

Марина
СЕРОВА

Ловушка
для дурака

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Марина Серова

Ловушка для дурака

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Ловушка для дурака / М. С. Серова — «Эксмо»,
2023 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-179148-3

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров. Счастливица Маргарита удачлива во всем: наследство, денежная награда, выигранная лотерея, да еще и страстно влюбленный молодой муж... Вот только он пропал. Безутешная женщина обращается к сыщице Тане Ивановой с просьбой найти любимого. Таня принимается за поиски мужчины, а вслед за этим узнает о нескольких других исчезнувших людях. Теперь ей предстоит узнать, как связаны эти происшествия и есть ли здесь преступный замысел, а заодно избежать опасности, которая может угрожать и ей самой... Яркий и захватывающий детектив от Марины Серовой позволит отлично провести время! Следите за хитросплетениями сюжета и отважной сыщицей Таней Ивановой в нашей новинке!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179148-3

© Серова М. С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марина Серова

Ловушка для дурака

© Серова М.С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Стояло ясное утро, обещавшее горожанам прекрасный день. Блуждали по своим делам утренние коты, над асфальтом потихоньку собиралось марево, а престарелая почтальонша, спеша управиться с разносом до жары, добралась-таки до последнего адреса.

Поднявшись на четвертый этаж, она позвонила в дверь.

Не открывали довольно долго, так что женщина успела со вздохом вспомнить добрым словом старые деревянные двери, представлявшие собой полноценные коммуникационные амбразуры. Тогда было слышно все: идут – не идут, дома – не дома. И все-таки наконец лягнула шторка глазка и спросили:

– Кто там?

– Телеграмма для Коржовой, – отозвалась почтальон.

Дверь открыли, и на пороге предстал обаятельный, пусть и бритый налысо, светлоглазый молодой человек простодушного вида. Сконфуженно застегивая молнию на спортивном костюме, он протянул руку и сказал, заметно картавя:

– Большое спасибо. Прошу прощения, что так долго, где проставить визу?

– Простите, расписаться должна сама гражданка Коржова, – напомнила почтальон.

Молодой человек хлопнул себя по лбу и немедленно покаялся:

– Тысяча извинений, как я сплеховал! Просто давно дел не имел с телеграфом.

Она добродушно кивнула, обмахиваясь газеткой (все-таки уже парило):

– Это понятно, – и подумала про себя: «Где уж тебе, малютке. Последний раз, судя по всему, когда бабушке на Восьмое марта открытку отправлял, цепляясь за мамку».

– Буквально минуточку, – попросил он и скрылся.

Были слышны стук в дверь, плеск воды, невнятное бубнение, его приятный картавящий говор: «Аллочка, крошка, телеграмма для тебя. Нет-нет, не выходи из ванны, продует. Вот тебе перо. Только ручки вытри. Осторожно, не поскользнься».

– Вот, пожалуйста, – вернувшись, мужчина представил подписанный бланк, – а вот это вам, за труды.

И протянул тысячную купюру.

– Нет-нет, отказа не примем, обидите.

Почтальон удивилась щедрым чаевым, но не противилась, попрощалась и ушла. Человек пробежал глазами текст телеграммы, пожал плечами, пробормотал: «К-курицы», – и порвал депешу на мелкие кусочки.

И вернулся в ванну, к прерванному занятию. Надо все вымыть, а то, чего доброго, придется самому ремонт делать, до продажи.

Да, и по окончании мероприятия надо бы скататься куда-нибудь – проветриться и разжиться новым паспортом.

Глава 1

Ах, как приятно пахнет в центре одного из крупных культурных центров России! Жарой, бензином и глупостью. Тут, в одном из загончиков пятикомнатного коммунального дворянского гнезда, рассерженно щебечут две представительницы семейства коренных горожанок – Агния Сергеевна и Алевтина Сергеевна.

Эти манерные и утонченные дамы были не из радушных хозяек. Они из тех, которые немедленно выявляют «понаехавших» по манере произносить слова или называть вещи, и приступают к активному презиранию. А равно и наотрез отказываются переезжать из «центра» к «чертям на куличики» – даже если это касается районов, вот уже полсотни лет как обжитых получше всех «центров» вместе взятых.

Иначе говоря, две старые девы-сестрицы, обитающие в одной из пяти комнат, и держащие оборону против «понаехавшего» соседа, нагло предложившего расселение, то есть купить им по отдельной квартире в двух станциях метро отсюда.

Старые девы кипели и пускали пар. Это было их перманентное состояние, практикуемое по любому поводу, будь то трамвай, звенящий под окном, слишком громко плачущий младенец – и, само собой, наглый сосед.

Лично против него они ничего не имели. Он рук не выкручивал, не угрожал и не намекал, ни на чем не настаивал, просто появлялся раз в месяц и повторял свое предложение. Получая гневные отповедь с отказом, вздыхал, пожимал плечами, вежливо прощался и уезжал до следующего раза.

Негодование усиливалось тем, что вот уже трое хозяев трех комнат на ура приняли предложения щедрого соседа, и теперь, по истечении пяти лет, сожалели лишь о том, что не приняли его ранее. В коммуналке держали оборону только Агния и Алевтина.

Еще большее негодование породил тот факт, что одной из ренегадин стала не кто иная, как их родная сестрица, Алла Сергеевна. Она, в отличие от них, имела отдельную комнату. Почему у нее была целая и неделимая площадь, а у них – одна на двоих, это отдельная история (и повод для негодования). Вспоминая подробности, сестры скрежетали протезами: опять-таки, в отличие от них, сестрица обладала легким приятным нравом, за счет чего не только связала себя узами брака с соседом по коммуналке, тихим и приличным милиционером, но и пережила его.

Ко всем своим чудачествам и преступлениям присовокупила то, что запросто рассталась со своей комнаткой и въехала в замечательную однушку в тихом славном районе всего в полчаса езды от них.

Агния Сергеевна и Алевтина Сергеевна вполне могли принять одно из многочисленных приглашений сестры приехать на чашку чая, но не принимали. Все телефонные номера отщепенки безжалостно блокировались, а следы звонков – уничтожались.

Добродушная сестрица не унималась. Пытаясь достучаться до обиженных дур, она перепробовала все способы, в том числе отправила как-то приглашение на суаре по почте – одно на двоих! новое оскорбление! – и старые девы просто вскипели. Негодование поднималось неудержимо, как пена на сбегающем молоке, и они не поленились в свою очередь выйти на связь, прислав нахалке изысканно-оскорбительную телеграмму. В этой депеше они изложили свое видение ситуации, поведения и, вообще, возможности общаться с отщепенцами и предателями своих корней.

После этого попытки воссоединения с родственницами прервались. Спустя какое-то время – прошло около полугода или восьми месяцев, – Агния и Алевтина Сергеевны вдруг занервничали. При всех своих чудачествах они в глубине души сохранили остатки совести и родственных чувств. Вскрылся этот факт довольно курьезным образом: обе сестрицы одно-

временно получили уведомления о невручении телеграмм, втайне друг от друга отправленных ими на адрес сестры.

Смущение поодиночке было мимолетным, поскольку совместное негодование было куда более комфортным и привычным состоянием. И повод как раз был: отправленные телеграммы вернулись с отметками: «Не вручена в связи с убытием адресата».

– Варвары, – процедила Агния, вернувшись с почты. Несмотря на закаченный скандал, подлые почтовики и не подумали вернуть деньги: мол, сами указали адрес и получателя, а если адрес не тот, или, как тут, адресат выбыл и телеграмму не получил – то сами и виноваты. А уж ссылка на собственную виновность способна вывести из себя даже улитку, не то что нервных старых дев.

– Сволочи. Сталина на них нет, – подхватила Алевтина, подергивая на куриной шее янтарные бусы, – но как это похоже на Алку – взять и куда-то свалить, не оставив адреса!

Однако Агния воспротивилась:

– Как раз не похоже. Алка никогда никуда не уезжала, не оставив адреса, даже в молодости. Вспомни.

Алевтина, подумав, взяла свои слова обратно. В самом деле, даже по молодости сестранепоседа всегда отчитывалась, куда едет, на сколько и когда вернется, и, отправляясь за хлебом или поболтать к подружке в соседний дом, всегда прощалась, «на всякий случай», «мало ли что». С возрастом она стала еще более внимательной к этим вещам, потому что час, когда произойдет «мало ли что», неумолимо приближался.

– Послушай-ка, а знаешь ли ты что-нибудь о ее квазимуже? – спросила она как бы мимоходом.

– Каком муже? – неталантливо солгала Агния и зарделась.

Речь шла о некоем человеке, с которым сестра Алла на старости лет проживала в так называемом гражданском браке. В загс она более идти не собиралась, утверждая, что ей, несмотря на вдовье состояние, девичья свобода дороже.

По ходу выяснялось, что информационное эмбарго соблюдалось несерьезно, без должной строгости. Алевтина, хотя и сурово хмурила брови, имела за собой тот же грешок. Совместными усилиями, намеками и недомолвками они восстановили примерную картину отношений сестры: ее избранник – вроде бы из «понаехавших», вроде бы родом откуда-то из Поволжья, как бы занимается научной работой, как бы бесребреник, романтик в начищенных туфлях и прочая, прочая.

Вариантов описаний много, бесспорно было лишь то, что Алла гораздо старше его.

– Нет, это уже полное безумие, – решительно заявила Агния, – почему ты мне ничего не сказала? Это надо прекратить.

Алевтина возмутилась:

– Я не сказала? Допустим, не сказала, а как я могла сказать, если ТЫ не сказала МНЕ?

– А мне откуда было знать? – по привычке солгала сестра, смутилась и замолчала.

– Ладно, довольно тыкать друг в друга перстами. Надо поехать и разобраться на месте.

– Сейчас?! – снова взвилась Агния.

– Что, ты занята? – холодно спросила Алевтина.

– Нет.

– Что и требовалось доказать. Засим прекращай пререкаться и надевай шляпку.

До дома Аллы, как было сказано, было недалеко, всего две остановки на метро, далее пять минут черепашным шагом старух – и вот уже искомый дом, уютный одноподъездник красного кирпича, с бесстыдными просторными лоджиями (возмутительно было и то, что они вообще имеются), расположенный в зеленом, чисто убранном дворе. Несмотря на то, что и до станции метро, и до крупного проспекта рукой подать, никакого шума слышно не было.

Неподалеку имелось как минимум два достойных продуктовых магазина – непозволительная роскошь, непривычная для обитателей центра. Они-то считали необходимым таскаться за «органическими», «натуральными» продуктами с тележками в ближайший (и дорогий) эко-супермаркет как минимум на двух видах транспорта.

В подъезде этого дома на окраине нахально не воняло ни кошками, ни бродягами (непременного атрибута любого дома благородного центра). А как было тут вызывающе чисто! И как смели все эти почтовые ящики иметь дверки, висеть на надлежащих местах и закрываться на замочки? Вдобавок и лифт ходил, и кнопки были целы, а стены – не расписаны. Поднялись на четвертый этаж – и огорчились еще больше.

– Пошехонцы, – процедила Агния с плохо скрываемой завистью.

– Согласна, – с отвращением согласилась сестра, с аналогичным чувством рассматривая дверь квартиры родственницы, стальную, блестящую (да еще и с одним-единственным звонком! Ну и счетчиком, разумеется).

Раскалившись до последнего предела, они принялись давить на кнопочку. Звонок работал, но никто не открывал. За проклятой сейфовой дверью ничегошеньки не прослушивалось. Повторив попытку несколько раз, сестры набросали на листке краткую записку резко предписывающего содержания («Позвони немедленно» и т. д.), заложили послание за ручку двери и несолоно хлебавши собрались восвояси и даже вызвали для этих целей лифт.

Тот не замедлил приехать и вывалить еще неприятностей. Он привез в своих недрах троих противных субъектов: двух отвратительно энергичных женщин и одного непозволительно спокойного мужчину. Которые к тому же с порога лифта повели себя странно.

Во-первых, когда разъехались двери, они немедленно замолчали, хотя весь путь с первого этажа оглушительно болтали. Во-вторых, покинув лифт, синхронно и со свистом втянули носами воздух, с подозрением меряя сестер пронизывающими взглядами.

Одна из этих энергичных – тощая, с толстой папкой, – осведомилась нагло:

– Вы что, сюда? – и показала на дверь Аллиной квартиры.

– А вам какое дело? – вскинулась Алевтина, но Агния, быстрее сориентировавшись, признала, что да, и вкрадчиво спросила:

– А почему, собственно говоря, вас это интересует?

– Потому, что если вы насчет сделки, то можете отпираться обратно, – заявила она.

– Сделки? Какой сделки? – с замиранием сердца спросила Агния. Соображала она достаточно быстро, поэтому перед глазами старой девы начала собираться темная мгла.

Тощая нахалка нагрубила: «Никакой», и уверенно надавила на звонок. Ей тоже никто не ответил.

– Что, никого? – осведомилась другая женщина, небольшая, весьма округлая и налитая, как горшок с маслом. – А ну-ка дай-ка я.

И, отстранив тощую, зачем-то позвонила сама, как если бы умела давить на кнопки как-то по-особому. Разумеется, результат был таким же.

Тощая энергичная пробормотала:

– Странно. Только что звонила, утверждал, что дома.

– Кто утверждал? – спросила Агния.

– Что встречаете? – возмутилась толстая.

– В самом деле, вам-то какое дело? – поддержала тощая.

– Ну хотя бы такое, что в этой квартире проживала наша сестра, – звеня от негодования, но все-таки сдерживаясь, поведала Алевтина.

– До революции? – сострила тощая.

– Идите-ка вы своей дорогой, – посоветовала толстая.

Алевтина открыла было рот, чтобы пальнуть риторикой из главного калибра, но более разумная Агния, торопливо извинившись, затолкала сестру в лифт и нажала кнопку.

– Что происходит?! – бушевала Алевтина уже во дворе, тем не менее покорно следуя за Агнией. – Что за ерунда?

Та некоторое время молчала в раздумьях и наконец возразила:

– Боюсь, что это уже не ерунда. Пожалуй, надо обращаться в полицию.

Глава 2

После отбытия сестер вся компания некоторое время топталась у закрытой двери, терзая звонок, и уже собирались было уходить, но дверь вдруг открылась как ни в чем не бывало:

– Прошу вас, заходите.

Обитатель квартиры – светлоглазый, положительного вида мужчина, лет тридцати, с чисто выбритой головой и плохо – щеками, в домашнем костюме и до блеска начищенных туфлях – посторонился, пропуская пришельцев:

– Извините, что заставил вас ждать. Работал, знаете ли, увлекся. Сразу не расслышал.

Он вытащил из-за дверной ручки записку, оставленную старыми девами, пробежал глазами и положил в карман.

Флегматичный мужчина и низенькая толстая женщина вошли в квартиру и запросто хозяйски принялись расхаживать по жилплощади, которую явно освобождали. Повсюду какие-то вязанки, узлы, черные мусорные мешки.

Тощая принялась помогать хозяина:

– Что за старые курицы? – требовательно, пусть и вполголоса осведомилась она. К слову, энергичная дамочка, в ней за версту угадывался риелтор.

Мужчина, который не спускал глаз с пришельцев, контролируя их траекторию по квартире, ответил рассеянно:

– Понятия не имею, о чем ты.

Риелторша продолжала придирается, пусть вполголоса и сквозь зубы:

– Ты утверждаешь, что вправе полностью распоряжаться объектом, а какие-то побитые молью бабки в шляпках городят за какую-то сестру. Сережа, что за хрень?

Сергей процедил, так же не разжимая белоснежных клыков:

– Ты вроде бы читать умеешь. И доверенность видела. Самую генеральную из всех. Нотариально удостоверенную. К чему эти разговоры?

– Я-то ничего, но ты же понимаешь...

Он оборвал:

– Я – нет, не понимаю. Залезь в свою папку, еще раз посмотри, перечти, если угодно. Чьи в доверенности ФИО?

– Твои, твои, не заводись.

– Тогда что еще надо? Только из-за того, что мы с тобой, голубка, не первый день знакомы, не одну ложку дерьма сожрали, я с тобой дело имею. И так продаю с космическим дисконтом, и лишь потому, что у меня нет времени и денег.

– А я...

– Нет, я. Это я могу и без агента обойтись.

Тощая серьезно обиделась, и, сузив глаза, осведомилась, даже прошипела:

– Вот и я хотела бы уточнить, к чему такая спешка? А заодно и старые кошелки. Что-то нечисто, а, Сережа?

Он впервые отвлекся от пришельцев и полностью посвятил все свое внимание визави. Правда, смотрел на нее уже как-то по-иному, не так, как надлежало взирать на порядочную женщину, тем более риелтора. Светлые холодные глаза смотрели на нее с такой вкрадчивостью и мягкостью, как если бы каннибал-гурман взирал на пухленького туриста, забредшего в глухие джунгли, причем как раз к ужину.

– А ты, солнышко мое ясное, изволишь сомневаться в чистоте предлагаемой МНОЮ сделки? Или, мать твою, считаешь невыгодной?

– Сережик...

– Э-э-э-э. Постой. Я, стало быть, послушно прыгаю с бубном, шляюсь по банкам, как олень с бумажками бегаю, а ты, милая моя, солнышко лесное, задний ход даешь?

– Сереженька...

– А. Малая цена не устраивает. Понимаю. Так я прямо сейчас объявляю о том, что повышаю цену на двадцать процентов. По твоему своевременному совету, – подчеркнул он.

– Да ты что?! – шепотом вскричала риелтор.

– ...а лучше тридцать пять. Отличная круглая сумма. Что, я пошел?

– Серенький, нет. Остановись. Помилуй. Не надо, – горячо попросила она, делая такое движение, как будто собираясь пасть на колени.

Повернувшись так, чтобы случайному наблюдателю не было видно этой перемены, он бережно, но очень крепко подцепил ее длинными пальцами под челюсти – фактически за горло.

– Тогда заткнись и не задавай глупых вопросов, – процедил он, умудряясь одной стороной лица скалиться волком, другой – вежливо улыбаться покупателям. У него вообще было удивительно эластичное лицо, на котором, как на табло, отображалось все, что бы он ни говорил.

Когда покупатели вернулись к ним, то увидели лишь дружески общавшихся риелтора и продавца, который, улыбаясь, давал любезные пояснения:

– Здесь, как можно легко видеть, почти шестьдесят квадратов, кухня девять и полноценный раздельный санузел. Для «вторички» в доме семьдесят пятого года постройки, согласитесь, большая редкость.

– Да уж, богатая хатка, – кивнула женщина.

– Это индивидуальный проект, реализованный для союзного Министерства обороны. Смотрите, какие потолки, – он поднял длинную руку, – без двадцати сантиметров три метра.

– Тут ремонт нужен, – флегматично вставил мужчина, грузный, с висячими усами и маленькими сытыми глазами.

– Полагаю, для вас это не проблема, – вежливо предположил хозяин, – ну а приложить руки ко всему приходится. Вы с маткапиталом берете?

– Да.

– Тогда тем более. Тут в шаговой доступности гимназия и лицей, одних развивающих центров штук десять. Два метро в шаговой доступности – «ВДНХ» и «Алексеевская». Ну-с, мы договорились?

– Почему так дешево? – прямо осведомилась дама.

– Могу поднять, – любезно ответил он.

– Нет, я просто...

– Послушайте, уважаемая, – уже не чинясь, прервал Сергей, – вот жилплощадь, вот гендоверенность, мне поручено продать ее как можно скорее. После ухода жены...

– Извиняйте.

– Спасибо. Она меня бросила.

– Тю, – с некоторым недоумением протянула женщина. Она уже успела осмотреть и оценить вообще все – мебель «мейд ин соцлагерь», тахта, увязанные тома подписных изданий, роскошные, но старомодные шторы, обилие ковров и прочие атрибуты возрастных дам, вплоть до едва заметного аромата типа «Мажи нуар» – и потому не грех было и удивиться. Сколько же лет было этой ветреной кокотке, бросившей тридцатилетнего симпатичного мужчину?

– Ничего, с этим вполне можно жить, – любезно, хотя и суховаато ответил он, – в любом случае я желаю как можно скорее покинуть этот дом, в котором изначально мы были так счастливы. Собираюсь вернуться на родину.

– Да? – удивилась покупательница, которая с семейством проделала как раз обратную операцию. – А вы, не извольте гневаться, откуда будете?

– Я с Поволжья, – кратко ответил хозяин.

«Вот так так. Приезжий. Квартира не его, – соображала покупательница, все более и более удивляясь, – получается, тетка-москвичка бросила не только его, но и свою собственную жилплощадь. В Москве, да еще в двух остановках до центра. Странновато все это. И хлопчик-то на вид вроде ничего себе...»

– Итак?

Но ведь квартира была просто великолепна, документы, вплоть до последней бумажки, в порядке, стоила она вдвое, а то и втрое больше того, чем запрашивал этот псих. Хотя насчет психа тоже не все так бесспорно: свежие справки из диспансеров также присутствовали и без звука были предъявлены, стоило лишь потребовать. В собственности, правда, квартира была лишь полгода, но это проблема продавца. Все, кто надо, «благословили» сделку и даже одобрили ипотеку...

Однако жена и все, что с ней связано, – эти моменты покупательницу смущали:

– То есть вы еще не разведены.

– Мы и не расписывались. Постарайтесь понять, что есть люди, для которых штампы в паспортах не имеют значения, – высокомерно пояснил одинокий «супруг», – к тому же и вам удобнее, формальностей меньше. Доверенность перед вами.

Это была самая генеральная из всех доверенностей от имени ветреной «супруги», изготовленная на нотариально удостоверенном бланке. Совпадали и фамилия, имя, отчество, – Рубцов Сергей Владимирович, – и год, число, месяц рождения, – тринадцатое марта тысяча девятьсот девяносто третьего года, – серия, номер, дата выдача паспорта – все совпадало до черточки.

Придраться было не к чему, разве что...

– Извиняюсь, а где это – Тарасов? – уточнила покупательница, просто для очистки совести.

– Поволжье, – лаконично сообщил Сергей.

– Ну а почему там, а не в ближайшей конторе за углом?

Он пожал плечами:

– Потому что тут это стоит пять, а там – полторы. Мы ездили в отпуск, с палаткой на Волгу. Не исключаю, что она все для себя решила уже тогда – ну и предложила зайти в ближайшую на тот момент контору.

– Я имею в виду...

Сергей коротко глянул на риелторшу. Та поняла и среагировала моментально:

– Послушайте, если вас что-то смущает...

Тут подал голос мужчина, который сказал, подводя несомненный итог:

– Ничего никого не смущает. Все устраивает. По рукам.

Договорившись о деталях, они разошлись.

Впрочем, в лифте жена никак не могла унять:

– И все-таки я не понимаю, как это тетка в возрасте убежала от молодого мужика, да еще из собственной квартиры...

– Если она вполтину такая же дурная, как ты, то что дивиться-то, – философски произнес муж.

Она надулась, но не сказала ничего.

Глава 3

Очередная история началась с классических девичьих посиделок на кухне. Я пребывала в благодушно-философском настроении, а инициатором традиционно выступила Ленка, которая ни с того ни с сего провозгласила:

– А я по-прежнему считаю, что привлекательному человеку можно многое простить!

Таня Иванова (в моем лице), особа, славящаяся терпением, логикой и либерализмом, немало удивилась. Мне-то казалось, что дискуссию прикрыли в самом ее начале, – по крайней мере я точно помню, что махнула ручкой и сказала: «Чушь». А на самом деле все это время подруга моя Ленка подбирала для нее дополнительные тезисы.

– Если ты разъяснишь свою позицию...

Ленка присвистнула сквозь зубы, но ответила корректно, без сомнения, гордясь своей сдержанностью:

– Я имею в виду, что человеку, который внешне вполне привлекателен или хотя бы приятен, можно многое простить. Люди, которым с вывеской не особо повезло, вынуждены прилагать для этого гораздо больше усилий.

– Британские ученые установили? И почему же только такому? Мне говорили, и неоднократно, что людей вообще всех, даже уродов, прощать надо несчетное количество раз, – напомнила я и все-таки уточнила: – Конечно, если только они совсем уж не борзеют.

Ленка нетерпеливо отмахнулась:

– Да не об этом речь, а о том, что человек, внешне приятный сам по себе, всегда более привлекателен.

– Ты сегодня леди Очевидность?

Подруга прищурилась:

– Фи донк, а что оригинальничать? Сейчас, между прочим, многие строят из себя великих оригиналов, возводя в абсолют уродство и ненормальность. Хотя абсолютно всем известно, что красивый или, по крайней мере, приятный внешне человек – куда более привлекателен, нежели урод, пусть сто раз хороший и умный.

– Бесспорно, – согласилась я, – но это же ненадолго. Нельзя же людям вечно лгать. Как только выяснится, что красавец на самом деле редкая поганка и сволочь – так и морок разойдется.

Ленка открыла рот – и закрыла. Подумала-подумала да и согласилась, хотя не без оговорки:

– Да, но период между «нельзя вечно» – и «как только выяснится» может быть достаточно длительным для того, чтобы...

Она запнулась, соображая. Я помогла:

– Удовольствие получить?

Подруга возмутилась:

– Нет, ну какая ты все-таки, Танька. Нехорошая! А вот пусть хотя бы и так. Что же, по твоему, иллюзия ничего не стоит?

– Стоит, стоит, – успокоила я Ленку, – причем много чего стоит: здравого смысла, разума, благосостояния, самоуважения...

– Да неужели?

– Так учат нас история человечества и жизненный опыт, – кротко заметила я.

– С софистами не дискутирую, – решительно заявила подруга, – все поверяется практикой. Хотя...

– Что-то здоровое услышала в моих словах? – подбодрила я. Пусть не думает, что я собираюсь ее добивать или гнушаюсь дискуссией.

– Ничего здравого не услышала, – едко отозвалась подруженька, – просто, переходя по аналогии, вспомнила бабуриту...

– Чего?! – переспросила я с понятным испугом.

– Не чего, а кого. Бабу Риту, – более раздельно и понятно повторила Ленка, – это моя давняя знакомая, можно сказать, приятельница. Феноменальная тупица.

– Ничего себе, – пробормотала я, поеживаясь, – надеюсь, ты не о всех своих друзьях так отзываешься за глаза.

– Ну а что делать, если она в самом деле тупица? – хладнокровно повторила та. – Ты-то нет.

– Спасибо и на этом.

– На здоровье. Ты будешь слушать продолжение?

– А у меня есть выбор? Давай излагай.

– Ну так вот, – никак не отреагировав на мою шпильку, начала подруга, – Баба Рита – это прозвище, на самом деле не такая уж она старая. Просто крупненькая, шумненькая и глуповатенькая, настоящая баба на чайник. Правда, сердце у нее – чистое золото. И вот собралась она впервые замуж...

В целом, история, которую поведала мне Ленка, была до ужаса смешна и до смешного ужасна. Так называемая Баба Рита, прожив в девках до внушительных лет – будем деликатны, – вдруг встретила Того Самого.

Ленка перечисляла его многочисленные преимущества, используя традиционные эпитеты – образованный, умница, порядочный, предприимчивый, внимательный и т. п., – да так аппетитно, что я не удержалась и уточнила:

– ...симпатичный!

Ленка показала язык:

– А то как же. Чрезвычайно! Практически Джонни Депп. Или Бред Питт. Или Алан Делон. Только рыжий.

– Отпусти душу на покаяние, – взмолилась я, – как может один человек, с одной-единственной головой, к тому же рыжей, одновременно походить на трех абсолютно разных людей?

– А вот представь себе. В общем, все шло просто как в кино, а потом он пропал.

– Э-э-эх! И что, так и не сходила Баба Рита под венец?

– Сходила, – уточнила Ленка, – они расписались. Пропал он после.

Каюсь, не удержалась от дамской шпильки:

– После брачной ночи? Что-то не порадовало?

– Фи, – сморщила она носик, – снова ты со своими ехиднами. Нет, там все прошло на высоком уровне, иначе с чего Ритка до сих пор вздыхает, заливаясь краской и слезами.

– Ну если он первый такой удачный...

Ленка со значением подняла палец:

– Ошибочка! У Ритки уйма поклонников с юности. Она, может, и странненькая, но по своему хороша и оригинальна. Многим нравится, кто ценит открытость и ядреные формы. В любом случае я все это к чему: переживает хороший человек. Может, поговоришь с этим заместителем фонтана на главной площади? Я-то считаю, что мальчик свалил насовсем, но меня она вряд ли послушает, а вот мудрую женщину, которая славится своей добротой и объективностью...

Я смерила ее неодобрительным взглядом:

– Ленка, ты пытаешься мной манипулировать, к тому же с помощью грубой и неприкрытой лести.

– Именно, – невинно подтвердила она, – и как у меня, получается?

– Да, но соглашаюсь я не поэтому, а исключительно из человеколюбия и сочувствия к простому женскому горю.

– Тогда я ей твой телефончик даю, – деловито завершила мою мысль подруга.
И слово свое сдержала.

Глава 4

Люблю я Ленку. Никогда с ней не скучно – это раз, и таких же увлекательных людей к себе притягивает – это два.

Баба Рита позвонила практически тотчас – у меня сложилось впечатление, что Ленка эволюционировала в чистую энергию. Молниеносно она умудрилась покинуть мою обитель, добраться до дома и звякнуть подруге.

Итак, Баба Рита очень быстро позвонила и поздоровалась. Голос, против моих ожиданий, у нее оказался достаточно приятным, речь – вполне грамотной, а разговаривала она связно и убедительно. Так что в итоге мы договорились встретиться. Хотя я немало удивилась, с чего это согласилась, наверное, опять-таки из чистого человеколюбия.

При личной встрече Баба Рита немедленно произвела ошеломляющее, неизгладимое, масштабное впечатление. Крупные, яркие ореховые глаза, прямо-таки римский нос, большие завитки темно-каштановых волос, словно выпрыгивающие вперед цветы на платье, и такие серьги и бусы, что даже при желании их нельзя было не заметить... проще говоря, вся она была просто огромная. Когда она вошла, кофейня закончилась.

К тому же на голове у нее красовалась колоссальная соломенная шляпа с широченными полями и пышным пером, на плечах – темно-кофейный жакет, отделанный какими-то блестяшками, в ушах болтались золотые сережки-подвески. Присмотревшись, я заметила чуть видный след на переносице. Похоже, моя новая знакомая близорука и стесняется этого. Складывалось впечатление, что передо мной душевная, добросердечная, довольно-таки состоятельная, искренняя и – да, Ленка права, недалекая женщина.

Баба Рита приступила сразу к делу:

– Главное, что вам нужно знать: Максим меня любит, это не обсуждается.

Я кивнула, решив масштабные вопросы не оспаривать. Страшноато лишать такую женщину иллюзий.

– Понимаю, о чем вы думаете, но еще раз повторю: это чистая правда. В своей жизни я много ошибалась, но тут я уверена на все сто процентов. Это кристальной честности человек, открытый, ранимый, искренний. Взгляды, прикосновения, подавленные вздохи – можно подделывать что-то, но ведь не все же.

– Ну да, не мог же он все время врать, – поддакнула я не без скрытого ехидства.

– Именно! Вот, вы совершенно верно и тонко подметили, – обрадовалась Баба Рита, – да. Он очень несовременно, долго ухаживал, с гитарой, цветами и конфетами, долгое время не осмеливался даже притронуться, не то что поцеловать или претендовать на что-то большее.

Она подняла к потолку свои огромные бездонные глазища в густых длинных ресницах (вот как, оказывается, выглядят волоокие!) и продолжала вещать, как в трансе:

– Вы знаете, наша встреча... мне показалось, что я попала в сказку, в поразительную реальность, где сбываются мечты. Я просто шла за хлебом, а он шел навстречу, держа в руках большой букет роз...

– Алых? – не удержалась я.

– Да.

– В черном плаще? – снова не удержалась я.

– Да, – повторила она, глядя на меня уже со священным страхом и уважением.

– Длинном? – не унималась я.

– Именно! В черном длинном плаще, в начищенных до сияния туфлях, свитере под горло, в красном шарфе и... в шляпе.

Я чуть не прыснула, но одобрила:

– Эффектно, – подумав про себя, что вот, мол, говорят: штампы, штампы, а между тем классика всегда срабатывает.

– Меня поразила не столько его... ну да, красота, а прямо-таки нечеловеческое, ужасное одиночество в его глазах, когда он снял дымчатые очки...

– Очки?

– Да, скорее всего, у него глаза такие же слабые, как и у меня.

С трудом подавляя желание потыкать ее пальцем – не кажется ли мне она? – я осторожно спросила, кто она по профессии.

– Вообще, бухгалтер, – ответила Баба Рита, с некоторым недоумением.

Сегодня прямо-таки день удивлений. Вроде бы профессия, требующая как минимум здравомыслия и трезвости.

– Трудитесь много? Сверхурочно? Устаете, наверное? – продолжила я, имея в виду «в том числе и соображать».

– Нет. Теперь, когда я вообще-то не нуждаюсь в средствах, работаю только для удовольствия, по просьбам друзей, помогаю по доброй воле.

Интересный моментик. Получается, она профессионал в своей сфере, иначе с чего бы люди поручали ей ведение своих финансовых дел. Стало быть, погружение в идиотизм – не перманентное ее состояние, а так, от случая к случаю. Попробуем запомнить этот нюанс, возможно, придется вернуться к нему в будущем.

– Итак, вы совершенно случайно познакомились с... Максимом, верно?

Она снова возвела вдохновенные очи горе:

– Максим Максимович, фамилия Маевка. Да, совершенно, совершенно случайно. Вот так судьба распорядилась. Он даже не знал, кто я...

Судя по всему, Баба Рита – это что-то известное. Или запрещенное? Разумеется, это я так подумала, но уточнять вслух не стала. Зачем обижать хорошего человека, потом можно будет выяснить подробности.

Однако моя собеседница – нет, серьезно, славная женщина, – уловив, что суть ее уникальности от меня ускользает, решила поведать о себе сама:

– Дело в том, что обо мне довольно часто пишут в газетах, так что я своего рода знаменитость. Вы прессу не читаете?

– Как вам сказать, – замялась я.

– Понимаю, – совершенно без обид ответила она, – у вас работа такая, времени нет. Не сочтите за хвастовство, все, что я сейчас изложу, – чистая правда.

Бухгалтер, который готов поведать чистую правду. Оксюморон. С другой стороны, пристыдила я себя, человеку плохо, человек просит помощи – тут что угодно поведает.

– Я постараюсь кратко, – пообещала Баба Рита, – про меня много писали и говорили, и далеко не все правда. А вот факты: я получила наследство от родственника, пропавшего до революции. Оказалось, что он эмигрировал в Швейцарию, прихватив немало денег, и скончался, оставив мне довольно много тамошних франков.

– Понимаю.

– Потом ситуация сложилась еще более забавным образом: я нашла и вернула владельцу папку, в которой оказались крайне важные документы. Они помогли ему избежать тюрьмы, и он отвалил довольно щедро...

– Вот это вообще не вызывает никакого удивления.

– Да. Потом имела место еще пара моментов, но это уже по мелочи. Наконец, мне выпал крупный выигрыш в лотерею.

Я лишь головой покачала:

– Маргарита Николаевна, вы удачливы. То есть под счастливой звездой родились.

Баба Рита согласилась – просто, безо всякой само- и просто иронии:

– Это чистая правда, как я и сказала. Присутствует. Моя мама-покойница утверждала, что мне с рождения практически во всем сопутствует удача. Еще даже когда она была мною беременна, мы умудрились упасть с лестницы, прокатились два пролета, мама сломала ребро – а мне хоть бы что.

– Практически невероятно, – признала я, – но я вам верю.

– Спасибо. Вы знаете, гадалки-астрологи вообще не хотят иметь со мной дело, им со мной скучно. А одна так как-то раз заявила, что если бы я свернула шею, поскользнувшись на банановой шкурке, то обязательно бы поскользнулась на второй и вправила бы шею обратно.

Нельзя не порадоваться за нее, правда? Я и радовалась, но недолго, Баба Рита меня огорчила.

– Вот на личные дела этот принцип не распространяется, – сокрушенно призналась она, – видите, мне уже немало лет, а вот по-прежнему ни мужа, ни детей. Да и близкие, и родственники все уже покинули этот мир. Одна как перст. Вот почему мне так дорог Максим...

Она замолчала и сглотнула. Я поспешила ее отвлечь от грусти и рефлексии:

– Да-да, давайте вернемся к вашему супругу. После того как вы познакомились, вы, конечно же, встречались. Давайте припомним, как проводили время.

– То есть как? – зарделась Баба Рита, опустив глаза.

О ужас, нет, я это не выдержу. И поспешила уточнить:

– Нет, в интимных подробностях, конечно, не надо. Скажем, куда ходили, где гуляли, встречались ли вы вместе с друзьями-знакомыми, возможно, он чем-то особо интересовался.

Баба Рита погрозила неожиданно изящным, даже чуть заостренным пальцем:

– Я понимаю, к чему вы клоните. Но я могу утверждать с полной ответственностью: он совершенно не интересовался ничем материальным.

– Деньгами, – уточнила я.

– Нет, – решительно возразила она, – нет и нет. Его все это не интересовало. За все время нашего знакомства Максим вел себя в этом вопросе не просто, а крайне щепетильно. Он лично для себя ни разу ни рубля у меня не взял.

– Лично для себя?

– Ну, конечно, он же ходил за продуктами, обязательно принося мне цветы... ну и гардероб его знавал лучшие времена. Но он, знаете ли, даже отказывался из своего свитера вылезать, мол, я к нему привык, а этот – слишком новый. Обычные рубашки и костюмы принимал исключительно по моей инициативе и после долгих уговоров. Даже автомобиль согласился принять лишь после того, как я втолковала, что нуждаюсь в запасном водителе... Иной раз мне казалось, что он презирает деньги, по крайней мере избегает прикасаться к ним.

Да, в век безличных расчетов это прямо редкое качество и трудная задача.

– Ну а если говорить о совместном времяпрепровождении, то вы предпочитали проводить время, встречаясь на вашей территории?

– Не только. Мы и на природе гуляли, рыбачили, жгли костры, встречали рассветы. Он божественно играет на гитаре. Говорил, что любит сумерки и одиночество, и я думаю, что он весьма застенчив и не любит привлекать к себе внимание. Хотя у него прекрасный голос, он говорил очень тихо, на испытаниях жестоко застудился и с тех пор у него ослабли голосовые связки. Хотя мне казалось, что он смущается...

– Почему?

Баба Рита с улыбкой умиления поведала:

– Картавит чуть-чуть. Это так мило. Но с ним и молчать было очень приятно. Мы ходили в кино, на романтические комедии, выяснилось, что мы оба любим, в театре бывали...

– Рестораны, кафе?

– Нет-нет, – решительно возразила она, – терпеть не могу общепит, предпочитаю готовить сама, из проверенных продуктов. Поверьте, я немало сопровождала такого рода заведения – ужасная антисанитария и нарушение всех норм.

– Скажите, пожалуйста, а проживали вы отдельно? До свадьбы, я имею в виду.

– Да, Макс считал неудобным, не будучи официальным супругом, поселиться у меня в квартире. Хотя, и вы наверняка меня понимаете, я была бы не против.

Я не понимала, но кивнула.

– ...благо возможности имеются, у меня и квартира вполне удачно расположенная, и за городом дом, прямо на берегу Волги, в тиши и уединении.

Отлично-то как.

– Прошу вас не обижаться, но в целях дела я просто обязана уточнить: у вас много недвижимости?

– Так и есть, а что обижаться-то, вы же не налоговый инспектор, – немного удивившись, подтвердила она, – а то как же, имеется. И достаточно. В наше время это лучшая инвестиция. В Тарасове, помимо квартиры, где я обитаю, имеется еще две, в Покровске – еще кое-что. Ну и по мелочи – несколько гектарчиков на берегу Волги, под застройку, под дачи, еще...

Ощувив недостойное чувство зависти, я подняла руку:

– В целом, понятно. А Максим, судя по вашим словам, обо всех этих объектах не знал.

– Ну, я, конечно, не особо распространялась... по определенным причинам. Однако он ездил по моему поручению получать арендную плату с жильцов. И несколько раз в качестве водителя доставлял меня и потенциальных застройщиков на осмотр участков.

Я вспомнила Ленкины слова: феноменальная тупица. Ах, как верно подмечено.

– Машина, конечно, тоже имеется.

– Да, есть по мелочи. «Смарт» для поездок по городу, с пяток «реношек», сдаются под такси. «Гранд Чероки» для шашлыков и рыбалки... его мне удалось вручить Максиму.

«Повезло парню. Эх, мне бы хоть десять процентов от подобного прозябания», – загадала я желание на Новый год. Пусть до него еще долго, такие заявки надо делать заранее.

– Хорошо. А о самом Максиме вы что-то знаете? Работа, родители, чем занимается?

Баба Рита заявила, что это довольно большая тайна:

– Видите ли, его работа связана с ракетами и обороной... какое-то сокращение, наподобие «реввоенсовета».

– Эрвээсэн? – подумав, уточнила я.

– Да-да, вот это слово. Он очень интересно рассказывал о своей разработке, твердотопливных двигателях для ракет... я мало что поняла, но это перспективно. Я предложила инвестиции, на дрова и инфраструктуру, но он возмутился: это внутреннее дело государства, тут не место частным лицам.

– То есть он занимался некой научной деятельностью, связанной с обороной.

– Да-да, нечто вроде того. Я не раз слышала, как он обсуждает с кем-то по телефону: что-то под «МиГ» не влезет, длину уменьшаю, то канал появляется, если уменьшить толщину свода за счет увеличения длины и так далее...

– Очень интересно, хотя и непонятно. Да в целом, это и неважно. Давайте вернемся ко дню вашей свадьбы.

Глава 5

Баба Рита немедленно потухла и затуманилась так искренне, что мне стало неловко. Тетка-то комичная, но горе неподдельное, да и вообще несмешно.

– Вы знаете, когда правда о моем благосостоянии вскрылась, произошла некрасивая сцена. Максим очень расстроился и даже как-то отдалился. Несколько дней мы не общались, но потом он все-таки возник на пороге, все-таки решился и сделал предложение. Я считаю, это был мужественный поступок, это далось нелегко. Он весьма волновался, постоянно подчеркивал, что он не пара мне, что вряд ли сможет обеспечить мне все то, к чему я привыкла. В общем, мы расписались в загсе по моему месту жительства. На свадьбе никого не было, он так же, как и я, одинок.

– Понятно, понятно, – кивала я, изучая протянутое свидетельство о браке.

Максим Максимович Маевка, Гутман Маргарита Николаевна... а уж разница в возрасте – ой, мама!

– Кстати, вы знаете, где он проживает?

Баба Рита горестно покачала головой:

– Возможно, вы сочтете меня легкомысленной, но нет. Я так боялась все испортить.

Я снова кивнула, приглашая продолжать.

– После регистрации мы поехали за город, там провели ночь, а наутро выяснилось, что Максим пропал. Я проснулась уже в одиночестве. Машины не было, я вернулась на такси.

– Когда это случилось?

– Неделю назад. В пятницу. С тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

Повисла тяжелая тишина. Честно говоря, понятия не имею, что говорить в такие моменты, но все-таки сделала попытку возвать к разуму собеседницы:

– И вы не допускаете мысли о том, что он просто... ну, обошелся с вами бессовестно?

Баба Рита возразила решительно и безапелляционно:

– Нет. Никогда не поверю. Такой человек не мог поступить скверно.

– То есть вы считаете, что он пропал потому, что с ним случилось нечто плохое.

– Безусловно. За эту неделю я много передумала, в памяти всплыло множество деталей... да-да, и теперь припоминаю, что он пытался что-то до меня донести, рассказывал о своих друзьях по службе, по горячим точкам и миссиям, о которых даже теперь нельзя говорить. Он даже постоянно менял симкарты, звонил с различных номеров...

– И снова не обижайтесь, Маргарита Николаевна, а вы... ну, никогда не залезали в его телефон?

– Мне бы и в голову это не пришло, – с достоинством заявила Баба Рита, – но на самом деле там двухфакторная идентификация, в том числе с отпечатком пальца. Максим прямо заявил, что это в моих собственных интересах, мол, не исключено, что и гаджеты прослушиваются. По-моему, у него был еще и кнопочный телефон.

– Понимаю.

– Сам он был предельно осторожен в словах. Да-да, я теперь уверена, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе зачем ему говорить такие странные вещи? И я почти могу поручиться, что вот и оправдались его опасения.

Ее голос осекся, она достала платок, какое-то время строила ужасные гримасы, честно пытаясь сдержаться, но в итоге все-таки расплакалась.

– Маргарита Николаевна, все-таки для таких ужасных предположений нужны более веские основания, – заметила я осторожно.

Баба Рита всхлипнула:

– А я нашла кое-что. Его свитер... тот самый, старый, любимый, который был на нем в день нашего знакомства. Он был залит чем-то... простите, я не могу спокойно говорить... чем-то алым.

Я деликатно подкинула версию:

– Вино?

– Скорее сок, у него аллергия на вино, – подхватила Баба Рита, и в ее голосе звучала надежда на лучшее, – я сама изо всех сил надеюсь на это, но вы же понимаете, самое ужасное – это неизвестность! Явно произошло какое-то несчастье. Какой смысл затащить девушку в загс, а потом скрываться! Вот если бы он занял денег или хотя бы проявлял интерес к моим деньгам, – так ведь нет! Что могло случиться? Я с ума схожу, я не сплю ночами!

Ох как скверно-то. В голове моментально сложились и пронеслись практически все возможные варианты. И, сказать по правде, я более всего склонялась к тому, что хорошо бы Бабе Рите все произошедшее забыть как страшный сон. Однако, во-первых, и в-главных, брак уже зарегистрирован, и при всем желании она все сразу не забудет. Просто не сможет по формальным причинам. Как минимум придется решать вопрос с разводом, а как иначе? Во-вторых, в самом деле странно и глупо жениться лишь для того, чтобы сбежать.

Хотя, может быть, далеко не все рассказано?

Пока я размышляла таким образом, сознание милостиво отключало ненужные внешние раздражители, поэтому я не сразу усвоила поступающие биты ценной информации:

– ...вваливаются как цыгане, прямо с детьми и узлами, лопочут что-то, все черные, глазастые, лохматые, шумные. Я туда-сюда, что за пожар, граждане? А они как развопились и ну бумажками трясти. Долго объяснялись, я-то по-иностранному ни бум-бум...

– Подождите, Маргарита Николаевна, я немного недопоняла. Что за нашествие языков вы описываете?

Баба Рита на самом деле оказалась женщиной терпимой и понимающей. Видимо, осознавая, что ее история трудно усваивается средними умами, она повторила свой рассказ, снабдив максимально подробными комментариями:

– В квартиру, которую я сдаю, завалились какие-то иностранные, что ли, которые утверждали, что купили ее и уже переезжают. Вот они и приперлись всем кагалом, с детьми и багажом. Что им дома не сиделось – абсолютно не понимаю.

– Я тоже, – призналась я, – а еще не совсем понимаю, как они провернули эту сделку. Без вас, законной собственницы.

– Да бес с ними, – нетерпеливо отмахнулась она, – пусть наша доблестная полиция разбирается, а этих отправили куда подальше, с детьми и багажом. Пусть не думают, что им тут все должны, цивилизованным европейцам.

– В целом, разделяю вашу позицию, но все-таки хотелось бы прояснить: на каком-то ведь основании они вообразили, что имеют право на вашу жилплощадь. Может, доводы-документы были?

Моя собеседница, снова проявив нетерпение, высказалась в том смысле, что ей абсолютно безразлично, что там за доводы-документы имелись у интуристов. Я живо представила состояние несчастных иностранцев, которые явно спасовали перед натиском и под огнем дредноута «Баба Рита». На то, что не удалось им ничего добиться, ясно указывало нежелание вроде бы пострадавшей обсуждать происшедшее.

Надо же, как интересно.

Я смотрела на Бабу Риту со все возрастающим интересом. Любопытная личность! Казалось бы, так легко попалась на удочку явного мошенника, а вот, речь зашла о реальном преступлении – и все разрулила прямо без проблем. И уж точно без последствий. Конечно, не те сейчас времена, чтобы по поддельным документам реально квартиры продавать-покупать, и все-таки...

Кстати! Как документы попали к затейнику данной схемки? Коим, безо всякого сомнения, является чудо-Макс со смешной фамилией Маевка. Который, как сама Баба Рита сообщила, ездил собирать арендную плату с жильцов – и наверняка имел возможность получить доступ к документам. Ну а дальше уже дело техники. Хотя было бы очень познавательно пообщаться с теми, кто в курсе технических подробностей.

Однако пора возвращаться к нашему разговору.

Что, собственно говоря, хочет от меня моя собеседница? Этот вопрос я ей и задала, и получила ответ немедленно:

– Найдите мужа. Развейте этот невыносимый, удушающий туман. Готова заплатить любые деньги, лишь бы только выяснить, что с ним, – и, прежде чем я успела возразить, она бережно извлекла фото: – Вот его карточка.

«Просто очаровательно», – кисло вато подумала я.

В двадцать первом веке – фото на бумаге в рамочке из сердечек и амурчиков. С другой стороны, надо умерить свой неуместный сарказм: значит, дело поистине серьезное. Баба Рита, при всей своей комичности, женщина вполне симпатичная, глубоко чувствующая и искренне страдающая. Издеваться над символом всего этого как минимум бесчеловечно.

Но черт меня подери! Розовенькие рамочки, амурчики и сердечки!

Как удачно, что хотя бы на том, что взирало на меня из этого возмутительного обрамления, взгляд отдышал.

Не соглашусь с Ленкой насчет красавца, хотя черты лица, глубокий взгляд, разрез бархатных карих глаз, рисунок рта, подбородок мужской, выдающийся – все в целом не оскорбит самого требовательного ценителя классики. Единственное, что бы я подправила – широкова-тую переносицу, которая придавала всему лицу несколько идиотский вид. Да и с прической было бы неплохо хотя бы что-то сделать. Странновато выглядит эта медная копна. Такие романтические патлы могут пленить... ну, в целом, разве что Бабу Риту.

Хотя так и было задумано.

– Маргарита Николаевна, – начала я, фотографируя и возвращая картинку, – буду с вами совершенно откровенна, поскольку мне лично вы глубоко симпатичны. И не чужой человек.

– Да.

– И по-человечески я сочувствую вашему горю.

– Я вам так признательна!

– Минуточку. Понимаете, я практически уверена, что с вами поступили крайне непорядочно. И лучшее, что вы можете сделать в такой ситуации: подать на развод через загс и поскорее забыть обо всем. Хорошо бы оформить распоряжение о том, что запрещаете любые сделки со своей недвижимостью без вашего личного присутствия. Хотя от посягательств это, конечно, не спасет, но риск минимизирует. Да и машину не мешало бы в розыск объявить.

Баба Рита нетерпеливо... ну не махнула, но обозначила соответствующий жест:

– Вы не о том говорите. Что там со всякими сделками-машинами – я разберусь сама, не маленькая. Вы мне мужа найдите.

Я открыла рот, она подняла руку:

– Не отказывайтесь сразу. Просто попробуйте. Если вам все очевидно, то, стало быть, и нетрудно? А за гонораром дело не станет.

О как. Когда она хочет, то включает и логику, и здравый смысл. А уж что до щедрости, то и сомнений нет – надежный и платежеспособный человек. Я подумала-подумала – да согласилась, в конце концов, дел тут дня на два, не более.

Уточнив цвет и номер пропавшего заодно с Максимом автомобиля – «Гранд Чероки» цвет «черная мамба», Е 777 ЕЕ (как оригинально), – уже прощаясь, она вспомнила, что забыла главное:

– Запомнила! Примета есть. У Макса на правой руке, с внутренней стороны, от запястья вверх, наколка: «После нас – тишина».

После расставания с Бабой Ритой я раздумывала недолго. Тут не место логике и фактам, обратимся к костям. Итак, что у нас? $3+21+25$ – «Вы займетесь благородной работой, даже если она будет незаметна для окружающих».

Ну что же, звучит весьма обнадеживающе.

Глава 6

Первым делом всегда следует выяснять то, что выяснить проще всего.

А именно: что по поводу Максим Максимыча Маевки знает интернет? Выяснилось, что ничего. Вот именно так, интернет про него ничего не ведал. То, что девиз «После нас – тишина» принадлежит ракетным войскам – это и так понятно. Но про эрвээсэнщика М. М. Маевку упоминаний навскидку не нашлось ни в русском, ни в нерусском сегментах.

Что ж, тогда приступим к выяснению того, что выяснить посложнее, но ненамного. А именно: что это за история с табором иностранцев, якобы купившими квартиру Бабы Риты? К слову, жилплощадь оказалась весьма аппетитной: славная двушка в новостройке со свежим ремонтом, в приятном районе центра, удачной планировки, с окнами в тихий двор.

Квартиранты – пара простодушных молодых людей, причем женщина уже на хороших сносях. Предупрежденные Бабой Ритой о моем визите, встретили меня радушно и предложили угощение. Упомянутый мною казус они, разумеется, моментально вспомнили.

– Да, это было жестко, – признал будущий отец Витя, судя по внешнему виду и речи – пролетарий и таксист, откуда-то «с пид Полтавы», – завалились часов в десять вечера, мне как раз на смену, а тут такой базар-вокзал начался.

– Черные, как головешки, – добавила будущая мать Ира, по типу – нечто вроде продавщицы, – и видимо-невидимо, прямо нашествие иноплеменных какое-то.

– Вам удалось понять, что они хотят?

– Да я как-то по-иностранному не очень, – признался Витя, – Ирка только вывески на итальянском читает хорошо.

Я уточнила, несколько сбитая с толку:

– То есть это что, были итальянцы?

– Они, точно, – подтвердила Ирина, – шумные, скандальные, прямо страсть. Я перепугалась.

– Я их тоже попытался выдворить, они не уходили. И принялись распаковываться, можете представить. Я одному говорю: вы что творите, демоны? А они только матерятся.

– Так они что-то по-русски понимали?

Витя задумался:

– Понимаете, там один был, он точно кое-что да понимал.

– В самом деле? А откуда такая уверенность?

Ира быстро дернула его за рукав, Витя смутился и забормотал что-то, и я поспешила успокоить:

– Ребята, не волнуйтесь, хозяйке ничего лишнего рассказывать не собираюсь. Мой интерес совершенно в другом.

– Был косяк один. Только вы уж, пожалуйста, не говорите Маргарите Николаевне, – попросил Виктор, – все-таки нам рожать скоро, если она нам от квартиры-то откажет, и куда тогда деваться?

– Не скажу, – пообещала я, – рассказывайте.

– Видите ли, одного из этих базарных мы уже видели. Он знакомый мужа Маргариты Николаевны, Максим Максимыча.

– А, так вы знакомы? – уточнила я на всякий случай еще раз.

– Ясное дело, знакомы – подтвердил Витя, – он приезжал за деньгами несколько раз, да счетчики списывал.

– Понятно... скажите, а у вас случайно нет копий документов на квартиру?

Ира подтвердила, что копии есть, и даже достала их:

– На всякий случай. У нас с Николаевной договор, и все вот тут хранится, в одной папочке.

– А вы не припоминаете, Максим знал, где документы хранятся?

Ирина задумалась, Виктор вспомнил сразу:

– Да, как-то раз он заполнял квитки, и попросил документы посмотреть, адрес, что ли, или номер какой-то.

– А я достала, – подтвердила Ира.

– И снова понятно, а теперь давайте вернемся к итальянцу.

– Ну вот, этот как-то и приезжал сюда, вместе с Максом, – рассказал Виктор, потирая лицо для освежения памяти, – такой франт, в розовой рубашке, кожаной курточке, как будто с сына снял.

– Это почему еще? – не поняла я.

– Малó ему все было, – пояснил жилец, – рубашечка на пузе не сходится, курточка в плечах видно, что режет и жмет.

– И все-таки кругом на тушке бренд-бренд, Милан-Милан, – вставила Ирина, – а еще ему и ботинки узки, все кривился.

– Дело говорит. Они с Максом зашли, болтали, как хорошо знакомые, он попросил разрешения: ребята, можно интуристу показать, как в России строят, а то у них там сплошные лабазы с лачугами и хибарами.

– Мы, конечно, разрешили – как не разрешить, он же вроде хозяин. Итальянец облазил всю квартиру, даже туалет и ванну, только языком пощелкивал да лопотал по-своему.

– На каком же языке Макс с ним разговаривал?

– На английском, по-моему.

– Почему так решили?

– А они постоянно повторяли «сейл» и «дисконт», уж это-то я в состоянии понять, – улыбнулась Ирина, – и с таким уважением итальянец к нему обращался: «О вы, о вы!» – прямо как в театре.

В самом деле, любопытная деталь.

– Значит, события развивались следующим образом: в один из визитов Макс просил глянуть документы на квартиру, в следующий визит привел своего приятеля-итальянца в детской курточке, а потом интурист со всей ассамблеей завалился заселяться. Все верно?

Они кивнули.

– И при этом Маргарита Николаевна не в курсе того, что макаронник и Макс знакомы?

– Мы ей точно не говорили, – смущенно признал Витя.

– И вы, пожалуйста, не говорите! – горячо попросила Ирина.

Я заверила, что совершенно спокойно могу пообещать, почему нет?

Попрощавшись с ребятами и пожелав легких родов, я позвонила Гарику и сообщила, что неумолимо приближаюсь. Центр – стало быть, его земля, ну а даже если не его, то он-то наверняка в курсе подробностей.

Папазян встретил свою старую подругу (она же пассия) с неизменной приветливостью.

– Совершенство во всем, – констатировал он, критически осмотрев мою персону, – джаночка, почему ты так прекрасна именно сегодня?

Я не осталась в долгу:

– В честь нашей очередной встречи. Как оперативная обстановка?

– Да как тебе сказать. С одной стороны, вроде бы стабильно, я же в городе, – солидно пояснил Гарик, – с другой, что-то где-то кое-где у нас порой...

Я кивнула с надлежащей важностью:

– Тайна следствия, понимаю. И все-таки кое-что я слышала. Говорят, в нашем гостеприимном мегаполисе каких-то итальянцев подвергли поруганию и осмеянию? Проще говоря, кинули и опустили.

Гарик хмыкнул:

– Ничего от Танюши не скроешь. Ну да, да, имел место международный скандал, – он достал из сейфа папку и вдруг, плотоядно ухмыляясь, вставил ремарку:

– Ох, а какая там потерпевшая. Точнее, одна из потерпевших...

Он замолчал, как бы не в силах преодолеть накотившее, поотдувался и дернул подбородком:

– Пышная особочка, а уж глаза какие! – и показал руками, причем совершенно не там, где находятся органы зрения.

Я поморщилась:

– Папазян, старый греховодник, я ревную.

– Что, серьезно? – с сомнением протянул он. – Так ты намекни только.

Я поморщилась вторично.

– Ну ладно, ладно, тогда по делу: Джованни Батиста, гражданин Италии, со всей своей фамилией попытался вселиться на жилплощадь, принадлежащую Гутман Маргарите Николаевне, утверждая, что квартира его, применяя силу и нецензурные выражения...

Я вскинула брови.

– Не надо так смотреть. Так участковый записал, – пояснил Папазян, – встретив сопротивление в лице квартиранта гражданки Гутман, Волыны Вэ А, был вынужден временно отступить. Семейство Волын держалось до прихода основных сил, то есть собственницы помещения, гражданки Гутман, которая устроила им второе Капоретто...

– Говори, пожалуйста, по-русски, – попросила я.

– Ну что сразу. Не даешь блеснуть интеллектом. В 1917 году Королевской итальянской армии немцы при Капоретто навалили по-крупному. Ну, Хемингуэй еще об этом писал, – напомнил он, открыв передо мной новую грань своей многосторонней натуры.

– Оставим эти истории? – предложила я.

– Как скажешь, джаночка. В общем, Гутман устроила там такое, что итальянцы – а на минутку, там было девять человек, в том числе одна итальянская мама и еще одна жена, – с ревом и, утираясь, поскакали в ближайшее отделение: спасите-помогите, требуем консула и прочее.

– Воображаю, – сказала я чистую правду. Картинка прямо стояла перед глазами: Баба Рита, и без того огорченная пропажей новобрачного, сталкивается с вопиющей попыткой рейдерского захвата. Не на такую напали, это точно.

– Ну а в итоге что? Если вкратце, то синьор Джованни заявил, что купил квартиру гражданки Гутман у частного риелтора, передав за это с рук на руки эквивалент полутора миллионов рублей в евро.

Я выдвинула версию, вполне жизнеспособную:

– Он ненормальный?

– Не могу тебе сказать. Бегает и вопит, как это самое, но кто бы не поступал так же, лишившись такой суммы?

– А кто его в Россию-то звал?

– Он, видишь ли, давно желал обосноваться на земле предков.

– Каких еще предков?!

– Я не знаю, не изучал этот вопрос. Возможно, он счел, что коли дедушка замерз под Сталинградом, то, стало быть, Поволжье – исконно итальянские земли. Не могу сказать, зачем он сюда приехал, но неласково встретила его Россия. В общем, какой-то мошенник, с которым они законтачили в интернете, пересылал ему по мейлу документы на квартиру, экспликацию и

тому подобное. Синьор все одобрил, внес аванс, ему на почту пришло уведомление от Росреестра, мол, все в порядке, приезжайте на окончательную сделку. Он приехал, они с «риелтором» сгоняли к нотариусу, в МФЦ, что-то там подписали, далее оставшаяся сумма перешла с рук на руки – и все. Ну а попытка справить новоселье потерпела фиаско.

Я кивнула:

– Все более или менее понятно, исключая нотариуса и МФЦ.

– А, это интересная история, – одобрительно подхватил Гарик, – провернуто с выдумкой и огоньком. И нотариус, и офис МФЦ – просто-напросто липа, созданная под одну-единственную сделку.

– Откуда такая уверенность?

Гарик пожал плечами:

– Да там нет никого. Если хочешь, можешь сгонять посмотреть, вывески до сих пор на месте.

Я на всякий случай записала адрес.

– Слушай, сам-то синьор где сейчас?

– Отправился восвояси за счет итальянской стороны, зализывать раны и переживать традиционное русское вероломство.

– То есть денег своих он не получит?

– А кто ж его знает? Он, конечно, грозился ЕСПЧ, ООН и прочими страшными буквами, но сама понимаешь.

– Ну да, – согласилась я, – слушай, а что Гутман, заявление подала?

– Подала, но скорее чисто из принципа – ей-то что, она же ни копейки не потеряла.

Счастливо отделалась дамочка.

«Да, не лгала Баба Рита насчет своей удачи», – отметила я про себя, поблагодарила кэпа за все за все и, чмокнув в армянский нос, упорхнула синей птицей в форточку.

Что же, по дороге домой можно посетить «контору», в которой синьору Джованни оформляли сделок.

Глава 7

По адресу, данному Гариком, – Почтовая, дом два, – имел место первый этаж с отдельным входом, на котором красовалась пара бумажек с телефоном и словами: «Сдается дешево» и телефон. В самом деле, на двери все еще красовалась табличка «Нотариус Ронинсон Г. С.» – красивая, добротнo сделанная, капитальная, с часами работы и реестровым номером. Для очистки совести я пробила его по сайту Федеральной нотариальной палаты и безо всякого удивления убедилась, что ни фамилия, ни номер в списках не значатся.

Сквозь оконное стекло – явно отмытое не так давно, – не проглядывалось ничего примечательного: несколько стульев, перегородка со стеклянной стойкой, на которой нанесена была трафаретная надпись «Окно № 1». Окна № 2, 3 и так далее отсутствовали, перегородка была одна-единственная.

Подумав, я набрала номер, указанный на листочке о сдаче. Ответил жизнерадостный мужской голос, обладатель которого очень быстро сообразил, что от него хотят, пообещал подъехать в течение пяти минут – и не обманул. Не успела я соскучиться, как вишневая девятка, жизнерадостно отфыркиваясь, уже шикарно осадилa у подъезда. Оттуда выскочил круглый, веселый, как дитя, дядька:

– Приятно, чересчур приятно, позвольте представиться: Эдуард. С кем честь имею?

– Татьяна, – представилась я, сделав подобие книксена, – насчет аренды.

– Да-да, помню, – закивал он, – только я сразу вам скажу: помещение освободится через неделю.

– А чего ж так? Оно же освободилось, видно, что пустое.

– Пустое, но проплачено еще неделю, – объяснил честный бизнесмен, – так что никак не могу нарушить договорные обязательства!

– И это правильно, – похвалила я, – но посмотреть-то помещение можно?

– Конечно! – ответил он и открыл дверь своим ключом. – Занимать нельзя, а смотреть – почему нет, логично?

Восхитительная находчивость.

Итак, мы прошли в помещение, оформленное по-деловому минималистично.

– Здесь два вместительных помещения. Санузел просторный, в коридор можно поставить кресла для ожидания, – пояснял хозяин, – ремонт, как видите, свежий, об углы порезаться можно. Две фазы подведены, стоянка вполне удобная...

Он все говорил, разливаясь соловьем, я поддакивала, задавала какие-то вопросы – и осматривалась в поисках чего-нибудь интересенького. На такой куш позволяло надеяться то, что отсюда явно отваливали в спешке. Нетронутыми остались полки с книгами, портреты маститых правоведов и президента, письменные приборы на столе и даже стекло на нем же. Виданное ли дело, чтобы оставлять такой ценный раритет! Так что не исключено, что в этих шкафчиках имеется нечто полезное.

Продолжая изображать безмозглую арендаторшу – помнится, я мяукала нечто в том смысле, что стол для массажа тут будет смотреться не совсем гармонично, а окошки прорезаны не по фэншуй, и, судя по тому, как дергался мой собеседник, у меня отлично получалось, – я прошлась по обеим комнатам. Потом зашла за стойку со стеклом, уселась за стол, покрутилась на кресле, постучала каблучками и – бинго! – усмотрела в нише под столешницей безжалостно брошенный копир. Ничего себе, какая расточительность.

Выдвинув машинку, подняла ее крышку и – снова удача, – обнаружила листок копии, причем отксеренными оказались не ерунда какая-то, а развороты паспорта. Те самые, первый (Ф. И. О., фото, дата рождения) и с пропиской (Москва, улица Гиляровского, дом тридцать три, квартира десять). В свете всего услышанного и увиденного я совершенно без удивления

узрела, что на фото красуется уже знакомый мне веселый рыжий клоун Максим, муж Бабы Риты. Правда, имя у него иное и совершенно неподходящее, а именно: Мовсесян Овик Георгиевич. Вот она, тайна суперуважительного обращения «О вы!», которое отметила Ирина.

Если бы этот сеньор Джованни был бы поумнее, то сразу бы заподозрил неладное. Разве так должен выглядеть уважающий себя Мовсесян?

– Это не ваш приборчик? – на всякий случай спросила я.

– Что вы, я бы его не оставил, – заверил Эдуард, – хорошая штука.

Пошарив руками в нише под столешницей, я обнаружила еще кое-что любопытное: аккуратно изготовленную табличку – плоскую копию с тех, которыми обозначают центры «Мои документы». Сделано довольно похоже, но, конечно, без особого старания. Любой, кто хотя бы однажды побывал в МФЦ, сразу понял бы, что табличка неоригинальная. Как минимум буквы не объемные, а прямо наклеенные на поверхность. Да и цвета не те.

– Ну что же, мне все нравится, вернусь через неделю, – легко наврала я, – скажите, а табличка «Нотариальная контора» – это в самом деле нотариус у вас, или так, для красоты?

Эдуард сообщил, что нотариуса тут вообще-то не видел, сдавал офис просто частному лицу, а нотариус у него «свой».

– А вот эта табличка? – наивно спросила я и показала свою находку.

Он пожал плечами:

– Кто его знает? Такие штучки на каждом углу оптом по рупь двадцать заказывают.

Тоже верно.

В это время кто-то позвонил в дверь, потом начал постукивать. Эдуард открыл.

– Вам кого? – с недоумением осведомился он, разглядывая шуплую старушонку в белой мантилье и берете из зайца. Это летом-то.

– Гражданина нотариуса, – изысканно грассируя, потребовала она, – и поскорее.

– Что ж ломиться-то так?

– А потому что гражданин нотариус страдают перемежающейся тугоухостью и провалами в памяти, – едко пояснила дама, – в свой первый визит мне назначили прием, и вот уже третий раз прихожу – а он или не открывает, или его вообще нет. Между тем время не ждет.

Извинившись, я подключилась к разговору:

– Простите, вы общались с нотариусом?

– С его референтом.

– С этим, надо полагать? – небрежно осведомилась я, показывая бабуле фото с ксеркса паспорта.

Бабуля, бросив взгляд, решительно заявила:

– Нет. Это какой-то стилига лохматый. Референт был вполне приличный славянин, молодой человек с аккуратно выбритой головой и ровной бородкой. Весьма любезный мужчина, рассказал много интересного про оформление завещания, предостерег от ошибок.

– В самом деле, какой приветливый референт, – пробормотала я, памятуя о своем опыте общения с нотариусами и иже с ними. Ни слова бесплатно, – и он, стало быть, вам переназначил время на более позднее.

– Так и есть, – величественно кивнула она беретом, – но, по всей видимости, уважаемый нотариус решил продолжать обирать население по новому адресу? Иначе как объяснить сие запустение?

С достоинством попросившись, она удалилась, да и мы с Эдуардом расстались друзьями.

Следуя обратно домой, по итогам летучего совещания с самой собой я пришла к выводу, что, в целом, все понятно. Предприимчивый Максим Максимыч заполучил на шару полтора миллиона, свалил от любимой, и вряд ли она его еще когда-нибудь увидит.

Проблема заключается в том, что заказчица жаждет его видеть. То есть задача в абсолюте решена, но поставлена-то совершенно иная цель. В вероломство любимого мужа Баба Рита

не верит и не собирается. Она предписала мне выяснить, где супруг, а не то, какую аферу он провернул и каким образом. К тому же, как совершенно справедливо заметил Гарик, ей это просто неинтересно. Она вообще-то ни копейки не потеряла.

Добравшись до дома, я снова попыталась пойти простым путем, то есть пошарить по соцсетям, и потерпела сокрушительное фиаско. Эх, как нехорошо и неудобно, не получится так просто срубить гонорарчик, а шевелиться-то неохота. Где же может быть этот милый мальчик?..

Пока я копошилась в клоаке, которую громко именуют средствами социальной связи, мне пришло сообщение от друзей из Москвы: «Танюшка, привет! Если ты не очень занята, заскакивай в гости. Мы наконец-то расписались».

Славные ребята эти Ефимовы – да, вот такая ирония судьбы, Дмитрий Олегович Ефимов и Яна Дмитриевна Ефимова, причем ни на минуту не родственники. Длительное время они копили на «нормальную» свадьбу с ресторанами, Мальдивами и лимузинами, теперь, судя по всему, смачно плюнули и просто заскочили в МФЦ.

Как хорошо, что не все с возрастом глупеют.

Подумав, я решила так: поелику нет смысла прямо сейчас сообщать Бабе Рите об отсутствии результатов – надо хотя бы устроить имитацию бурной деятельности, – то почему бы не провести пару дней с пользой? Кстати, и ребята обитают практически в центре столицы, и оттуда не так далеко до этой самой улицы Гиляровского, можно визит нанести Овику Мовсесяну, глядишь, и сообщит что интересное, прежде всего – где паспорт посеял и при чем участии. Шансов мало, но кто знает.

Я так Мовсесяну и написала: «Неумолимо приближаюсь. Ваша Судьба!»

К чему долгие сборы? Достаточно по дороге заскочить в банкомат и «снять» свадебный подарок, который будет помещен в конвертик с цветочками и банальной надписью: «Совет да любовь!»

Глава 8

Выехала в ночь и с раннего утра была в столице. Выспавшись пару часов в отеле, к назначенному времени – к двенадцати, – отправилась на встречу с молодоженами в симпатичный кабачок в районе старого Ботанического сада на проспекте Мира. Сами они обитали в двух станциях метро оттуда и настаивали на том, что я просто обязана переночевать.

– Нет-нет, даже не думай, не отпустим, – так и заявил Дима, – это не дело, после гулянки и хачапури – сразу за руль.

– Нездоровое занятие, – подчеркнула Яна, медик по образованию, – а потому сперва отпразднуем, потом, если пожелаешь, ходим погулять куда-нибудь, переночуешь, и с утра уже, выспавшись – в путь.

– Со всем согласна, в том числе и погулять, – благодушно заявила я.

– Все, решено.

За уничтожением хинкали-хачапури-сациви и прочих деликатесов превесело прошло около полутора часов. Осознав, что хорошо бы уже встать и ослабить пояс, я извинилась – мол, мне нужно ненадолго отойти, – вышла из кафе и отправилась по подземному переходу к дому номер тридцать три по Гиляровского.

Шансы застать Овика стремились к нулю, но, возможно, он вчера гулял и сейчас только распивает кофе, разлепляя веки. Москвичи, насколько я могу судить, наиболее эффективно функционируют именно по ночам.

Итак, я набрала на домофоне номер квартиры – и, как ни странно, мне ответили:

– Слушаю.

– Овик Георгиевич?

– Да?

Понятия не имею, что говорить дальше.

– Добрый день, по поводу вашего паспорта, – это было первое, что пришло в голову. И, надо же, сработало. Видимо, Баба Рита имеет ценное качество передавать свое везение.

Запиликал, открываясь, замок, я поднялась на этаж и уже через десять минут здоровалась с Овиком. Симпатичный, хотя и невыспавшийся москвич армянского разлива, вполне презентабельный, пусть и попахивающий вчерашним.

– Милости прошу, – гостеприимно пригласил он, – простите, у меня не прибрано.

– Не беспокойтесь, я на минутку.

– Жаль, – после паузы, потраченной на разглядывание меня, искренне заметил он, – ну не может же постоянно везти.

– Это точно.

Мы прошли на кухню, хозяин предложил кофе, я, разумеется, не оказалась. У него на первом этаже такой кофейный бутик! Сделав первый глоток, я возрадовалась новому знакомству. Кофе был просто шикарен. Вкратце рассказав о себе и своей профессии – мой собеседник сначала поперхнулся бодрящим напитком, потом уважительно покивал, – я протянула ему копию, найденную в фальшивой конторе на Почтовой:

– Овик Георгиевич, посмотрите, пожалуйста. Это ксерокс с вашего паспорта?

Он кивнул:

– Так. Номер-серия-дата мои. А что за гад на фото?

– К сожалению, пока не знаю, – призналась я, – а почему гад?

– Потому что за каким-то рожном красуется на моем документе. И морда-то вроде знакомая... только вот этой папахи на голове не было.

Овик прикрыл пальцем растительность на фото:

– Вот теперь похож. Да, точно. Алексей.

– Алексей? – уточнила я. – Или Максим?

– Алексей, точно. Мы с этим засранцем в одном купе на Волгоград ехали. Он ночью сошел, а с ним, как теперь выясняется, и мой паспорт. Я-то не скоро хватился.

– Не сразу поняли, что паспорт потеряли?

– Да, в целом. А что? У меня водительские всегда с собой, никто особо паспорт и не спрашивает, сами видите, что тут, – он пригласил к окну. В самом деле, полным-полно народу со всех волостей.

– Это еще мало, «Олимпийский» пусть и разобрали, но в пятницу по-прежнему не продохнуть. Мечеть опять же, – пояснил Овик, – так что если более или менее за москвича сходишь, паспорт не спрашивают. А я уже схожу. Ну вот где-то через неделю спохватился, а паспорта нет. Конечно, восстановил. А что за история с ксероксом?

Я вкратце, не вдаваясь в подробности, описала ситуацию, но Овик несколько встревожился:

– Слушайте, так это что, притянут за мошенничество?

– Да нет, все обойдется, – утешила я, – жалко, конечно, что вы заявление о краже не подавали.

– Как это не подавал – подавал, – пожал плечами Овик, – с чего вдруг полторы штуки на ветер выбрасывать?

– Ай-ай, испортили показатели? – пожурела я, вспомнив Папазяна и его вечное нытье по поводу «глухарей». – Ну да ладно. Вот и хорошо, что подали, теперь, случись чего, просто талончик предъявите – и все. Только, знаете ли, надо теперь проверять свою кредитную историю, а то как бы не нахватили кредитов на вас.

– А, – отмахнулся он, – это уже пустяки, дело житейское, не страшнее простуды. Но за заботу спасибо, воспользуюсь.

Уже прощаясь, я спросила, не припомнит ли он что-нибудь примечательное относительно своего попутчика. Овик подумал-подумал, потом предположил:

– Вы знаете, я бы сказал, что он учился в Авиационном университете. Или окончил.

– Почему?

Он пожал плечами:

– Ну, в разговоре как-то упомянул пару преподав, ректоршу, – я сам оттуда, – и оказалось, что он их знает.

– А ректорша Авиационного – это нечто культовое и знаковое? Просветите провинцию.

Овик двусмысленно хмыкнул:

– Известная личность в определенных кругах.

– А он нехороший человек. Однокашников грабит, – посочувствовала я.

– В самом деле, ну да ладно, это ненадолго. Прилетит Лёхе обраточка, – благодушно заметил хозяин, – спасибо.

Распрощались, обменявшись телефонами, – мало ли, пригодимся друг другу.

Спускаясь в подземный переход, я глянула на часы и возгордилась: все следственное действие заняло тридцать пять минут с хвостиком! Вот что значит личное обаяние, прямое взаимодействие и отсутствие формальностей.

То, что Овик запомнил попутчика как Алексея, не особо вызывало доверие, тот мог бы и Таней Ивановой назваться, что ж не пошутить. А вот упоминание об Авиационном – это уже что-то, возможно, найдется кто-то похожий в списках выпускников, в группе ностальгирующих авиаторов? Может, им гордится универ?

Увы, в открытых списках выпускников М. М. Маевки не оказалось. Подобной фамилии на сайте тоже найти не удалось. Да и ректорши, кстати, не было, ректор там бесспорного мужского пола, Ераносян М. С. С во-о-о-от такенными усами.

Новобрачные встретили меня радостными возгласами и свеженалитыми бокалами.

– Мы тебя заждались, – сообщил Дмитрий. Судя по их румяным лицам, время они проводили в весьма активном ожидании, – ну как, все удачно?

– Более чем, – заверила я, – ну-с, за вас?

– Да уж! За нас! – провозгласил Дмитрий (и немедленно выпил). – Эх, Таня-Таня! Все ты со своим упрямством и мизогамией. Семья! Это... шедевр природы! Ради чего же еще жить стоит?

– Ой. Ну мало ли...

– Мало! – победоносно заявил он. – Практически незачем. Это подвиг всей жизни.

Яна, уравновешенная, здравомыслящая блондинка, которая только улыбалась, слушая супруга, под влиянием хванчары съехидничала:

– Так ведь не каждому по силам. Не все выдерживают.

– Это если только подвиг, – заупрямился Дима, – а если и удовольствие? Что тут терпеть-то? Наслаждайся!

Она показала язык:

– Да наслаждаюсь я, наслаждаюсь. А вот Сергеевна свалила недолго думая. Не понесла подвига! Ну или наслаждения.

– Ах это. Это извини, – подумав, признал Дима.

– Кто такая эта Сергеевна? – поинтересовалась я мимоходом.

– Это соседка наша, по лестничной клетке, – охотно пояснила Яна, – из старых москвичек, но милая. Только представь себе: сошлась с молодым, умным и симпатичным, а вот и года не протянула.

– Что, скончалась? – ужаснулась я.

– Сбежала!

– Прямо вот так и сбежала? От молодого и симпатичного? Что-то как-то не так.

– Ну, Алка-то могла, – авторитетно заявил Дима, – тетке под сто, а все в спортивном костюме на пробежку, то с ковриком на йогу, то на шпильках в театр, или по всяким экскурсиям – прямо икона «Столичного долголетия».

– А уж какие пироги пекла – закачаешься, – подхватила жена, – приходишь с ночной, а она уже тут как тут, звонит в дверь: «Яночка, деточка, покушай, нельзя ложиться голодной». Хорошая такая! И все извинялась: мол, простите за бесцеремонность, всю жизнь в коммуналке, привыкла, что все общее, все вместе.

– Какая милая женщина, – признала я, представив себе эту личность, без сомнений, светлую, – и что же, прямо сбежала?

– Представь себе, в монастырь отправилась. Или по святым местам.

– Слушай, а сожитель не мог ее отправить... ну, вы понимаете, по святым местам?

Яна отмахнулась:

– Таня, у тебя профессиональная деформация, честное слово. Такая гармоничная пара была – просто закачаешься, и не скажешь, что такая у них разница в возрасте. Очень серьезный мужик, научной работой занимается.

Где-то я это уже слышала. Прямо поветрие какое-то. Или возрождение отечественной науки.

– Я прямо теряюсь в догадках, что могло бы быть причиной...

– Да что думать-то! – встрял Дима. – Гульнул мальчонка налево, а Алка Сергеевна и не простила.

– Откуда знаешь? – моментально отреагировала Яна.

Дима заметно подувал, что-то замямлил, но потом признал-таки, что получил информацию из первых рук.

– А именно? – требовательно спросила жена, оказывая мне неоценимую услугу.

Дима смутился, помямлил, но потом раскололся:

- Серый сам признался. Зашел по-соседски, позвал покурить.
- И что же, переживал?
- Что ты. До слез. Волосы на груди рвал.

Помнится, так неловко получилось: я и прыснула, и чуть вином не подавилась, и прямо чуть на стуле не подпрыгнула. И все одновременно, бывает же такое.

- Почему на груди-то? – уточнила я, просмеявшись и откашлявшись.
- Больше неоткуда. Голова бритая, – пояснил новобрачный.
- Тогда поведай хотя бы, что он там натворил.
- Ну не стыдно, а?

Яна пихнула мужа в бок:

- Да ладно. Позабавь сказочкой.

– Вот прямо сказочкой. Вот любопытные, – с неудовольствием проворчал Дмитрий, – трагедия у человека, оступился. Поехал на какой-то научный сейшен, или, там, запуск, что ли, ну и согрешил там с одной. Алла узнала и психанула.

– Ну и любимого на выход с вещами? – закончила я захватывающее, пусть и лаконичное повествование.

– Что ты. Сама уехала, я ж говорю. Вот такая толстовка – все бросила и ходу из Ясной Поляны в ближайшую Оптину пустынь...

– Тогда уж Шамордино, женщины там, – машинально поправила я, – а откуда известно, что она там?

– Во-первых, записку ему оставила, я ее видел. Во-вторых, ну что вяжешься к человеку? Хороший мужик, места себе не находит.

– Дима к нему нежно относится, – пояснила Яна, – во всем подъезде только он владеет плейстейшен, и играть умеет, и пиво пьет.

- А, понимаю. А ты как, что думаешь?

Яна состроила мне гримасу:

– Фи, Таня! Чужой муж! Ну, если честно, ни на кого, кроме Сергеевны, он и глазом не косил. Така любов, така любов!

Глава 9

Ребята продолжали повествование о чем-то ином, в том числе планах на свадебное путешествие – «в Карелию на байдарке и шлеп-шлеп веслами», «Размечтался! Кипр и ни копейки меньше» и всякое прочее, – а я снова занялась думанием мыслей.

Ну что ж, идеалистично настроенная дама, да еще в том возрасте, когда уже о душе время думать. Осознала губительность внебрачного сожительства, не вынесла вероломства любимого, ну и под влиянием когнитивного диссонанса приняла решение отправиться в паломничество. Что с того?

Ничего, если бы речь шла о душещипательном сериале, а не о квартире в Москве, стоящей уйму денег. И о какой-то слабоумной, а не о вполне современной женщине со столичным долголетием.

Кстати, о квартирах и деньгах. Можно, конечно, промолчать и ничего не делать. Однако если есть возможность запросто выяснить информацию, которая может оказаться полезной, то всегда надо пользоваться шансом!

Подчиняясь внезапно возникшей мысли, я достала уже немного помятую ксерокопию паспорта Мовсесяна и, прикрыв пальцем шевелюру, показала ребятам:

– Слушайте, а вот это не ваш сосед, часом?

Ни Дмитрий, ни Яна не захлопали в ладошки на радостях от узнавания. Новобрачный долго и пристально присматривался, новоиспеченная жена тоже глядела озадаченно.

– Нечто похожее есть, в верхней половине лица.

– Да прям. Какой-то урка нерусский, – заметила Яна, – у Сергея лицо приятнее и умнее, что ли.

– Ну и хорошо, – легко, с облегчением ответила я.

(Правда, все-таки фото на паспорт далеко не всегда украшает человека).

Мы выпили еще по одной, доели то, что еще влезало в утробы, и отправились восвояси, точнее, домой к новобрачным.

Которые, надо сказать, недурно устроились: и от центра недалече, и зелено-тихо кругом. Seriously! Как это московские инженеры и прочие планировщики умудрялись в свое время строить дома так, чтобы не было слышно проспекта, что в пятистах метрах от окон?

Очень симпатичный у них домик, это точно. И магазин рядом. Мне-то ни к чему, но новобрачные требовали продолжения банкета, только уже с мороженым-пирожным и рюмочками ликера. Вот гурманы, и как это все в них влезает.

Приобретя все желаемое, мы проследовали к подъезду. Где, несмотря на уже позднее время, сновали грузчики, заполняя «Газель» разным скарбом.

– Переезжает, что ли, кто-то? – заинтересовался Дмитрий. – Или въезжает? Привет, это твое, что ли, все?

Человек, к которому обращался новобрачный, опустил дымчатые очки, выпустил струю дыма, потирая лицо, отозвался:

– Аллочкино. Салют. Да вот, жилплощадь освобождаю.

А, так это, стало быть, и есть блудливый и брошенный Сергей. А ну-ка, повернись, сынку, дай глянуть. Н-да. На самом деле смотреть оказалось особо не на что. Положа руку на сердце даже не смогу утверждать, что уже видела эту невнятную физиономию.

Ростом повыше среднего, правильные, пусть и неярко выраженные черты.

Голова выбритая, правильной формы, выглядит не отталкивающе, как это часто бывает. Глаза светлые, не сказать блеклые, вроде бы голубые, глубоко посаженные. Дымчатые очки не поднял на лоб, как большинство граждан, а спустил вниз, на дужках под подбородком. Щетина растет абы как, явно не до красования человеку. Одет по-рабочему, в тельняшку с длинными

рукавами и треники, на ногах шлепки, защитные перчатки на руках. Ничего особенного, если бы не лицо, то сказала бы: утренний синяк в очереди за пивом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.